

Гангур Наталья Александровна

доктор исторических наук,
профессор Краснодарского государственного
университета культуры и искусств

Gangur Natalia Aleksandrovna

D.Phil. in History,
Professor, Krasnodar State University of
Culture and Arts

Максимова Александра Владимировна

аспирант Краснодарского государственного
университета культуры и искусств

Maximova Alexandra Vladimirovna

PhD student,
Krasnodar State University of Culture and Arts

**К ВОПРОСУ СЕМАНТИКИ
НЕКОТОРЫХ ТЕРМИНОВ
В ЛЕКСИКЕ КУБАНСКИХ КАЗАКОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ ОДЕЖДЫ)**

**CONCERNING SEMANTICS OF
CERTAIN TERMS IN VOCABULARY OF
KUBAN COSSACKS
(CASE STUDY OF CLOTHING)**

Аннотация:

В статье на основе анализа неопубликованных архивных документов и печатных источников рассматриваются некоторые виды традиционной казачьей и крестьянской одежды, характеризуются их основные признаки, функции и типы.

Ключевые слова:

традиционная казачья одежда, крестьянская одежда, типы, функции, лексическая полисемия.

Summary:

Basing on research of unpublished archival documents and printed sources the authors consider some types of traditional Cossack and peasant clothing, describe their main features, functions and forms.

Keywords:

traditional Cossack /peasant clothing, types, functions, lexical polysemy.

Исследователь путем анализа терминологии и лексики сохранившихся письменных источников способен заставить прошлое «проговориться». Каждый текст предполагает общепонятную, то есть условную в пределах данного коллектива, систему знаков [1]. Ученый должен расшифровать эти знаковые системы, воплощенные в языке, вскрыть смысл, которые вкладывали люди изучаемой эпохи в свои слова и «формулы», и «исторгнуть у них сведения, которые они не собирались давать» [2].

Предметом анализа являются неопубликованные архивные документы (описи имущества) и печатные источники – казенные объявления в газете о краденых и найденных вещах, розыске пропавших людей и другие, в которых содержится информация о костюме или его отдельных компонентах. На основе анализа этих текстов-описаний можно выделить несколько типов традиционной весенне-осенней и зимней мужской одежды восточнославянского населения Кубани: армяк, халат, свита, зипун, кожух, поддевка. Некоторые из названных видов одежды ранее уже выступали предметом специального анализа, но новые материалы позволили взглянуть на данную проблему под другим ракурсом [3].

В делопроизводственной лексике термин «армяк» встречается редко, в основном для обозначения одежды лиц невоинского (гражданского) сословия. Подобный факт объясняется не ограниченной сферой бытования одежды, а взаимозаменяемостью терминов («старый серый суконный армяк (халат – по местному), надетый на старую, рваную желтую дубленную овчинную шубу» [4]), используемых в определенном культурном круге, в котором объект соотносится с соответствующими образцами или стандартами. В лексике кубанских казаков слово «армяк» приобретает негативные коннотации в виду того, что названный объект выступает маркером другого культурного круга («свой – чужой»).

Термин «халат» является пограничным между двумя культурными кругами (казачество / крестьянство), но в большей степени корреспондирует со вторым кругом, сохраняя в большинстве случаев атрибутивные и знаково-маркирующие функции армяка: «халат мужичий приношенный, простого толстого сукна, коричневого цвета, без всяких других примет» [5]. Семантические ореолы возникают и в тех случаях, когда в текстах отсутствуют прямые оценочные высказывания: «темно-коричневого цвета армяк из обыкновенного деревенского сукна», «халат крестьянского серого сукна с башлыком» [6]. Мужской халат на большей части Европейской России был дополнительной верхней одеждой, по крою аналогичной армяку: распашной, длинный, с прямой спинкой и широкими полами, большим отложным воротником или капюшоном – башлыком [7]. В источниках указываются те же атрибутивные признаки – армяк «с большим воротником», халат «с

башлыком», «распашной» [8]. К акцидентным элементам относятся отвороты («халат серого сукна с отворотом» [9]). Последние, как и воротник, фигурируют в описаниях другой одежды: «серый зипун с отворотом, приношенный», «зипунов черного сукна с отворотами 2, оц. в 1 р.», «серый из простого сукна зипун, с одинарным воротником» [10].

По этнографическим данным в Кубанской области бытовали зипуны халатообразные и с клиньями (в талию) [11]. Исследователи выделяют два вида этой одежды: 1) *верхний зипун* – с прямой спинкой, трапециевидными клиньями на боках, прямыми полами (глубоким запахом), широкими рукавами, капюшоном (башлыком) или большим воротником; 2) *зипуны отрезные* – сзади по талии сборки, застежки спереди, сверху до талии на крючках (более поздний тип). В некоторых местах он назывался *кафтаном, свитой, сиряком* [12].

Верхний зипун также использовался в качестве дополнительной верхней одежды (функция плаща), как правило, он изготавливался из простого домашнего сукна (*крестьянского*), преимущественно серого, черного, белого или коричневого цвета, иногда из верблюжьей шерсти. Зипуны отрезные (на спине или вокруг талии) в последней трети XIX в. получили распространение во многих губерниях России. Источники фиксируют новые тенденции в покрое крестьянской одежды: «зипун (сшитый сюртуком) крестьянского серого сукна, поношенный» [украден у вдовы-крестьянки с. Новомихайловского] [13]. Для нарядных зипунов использовались фабричные ткани, в отделке – нашивки, декоративные швы («черный байковый зипун с подкладкою из клетчатой материи»; ср. «зипун, самоделковый простого сукна; на карманах зипуна простая обшивка» [14]).

Зипун бытовал среди казачьего населения линейных кубанских станиц, иногородних (чернорабочие, отставные солдаты, крестьяне). Несмотря на широкий контекст его бытования в разных социальных средах, в источниках иногда актуализируются аксиологические коннотации: «старый деревенский зипун из темно-коричневого сукна» [15]. По словам современника, посетившего восточную часть Кубанской области в 1880-х гг., в станицах по Расшеватке и Егорлыку «нередко можно видеть казака ... в казачьей папахе и в мужичьем зипуне...» [16].

Термин «зипун» характерен для лексики русской этнографической группы – линейного казачества. Аналогичного типа одежда у черноморских казаков известна под названием *свита, свитка*. Этот дуализм в названии одежды населения восточных и западных районов Кубани сохраняется и в более позднее время: «одет в старый зипун (свитку) рыжего цвета» [17].

Для слова «свита» характерна лексическая полисемия. Термин широко встречается в официальной лексике для обозначения традиционной казачьей, крестьянской, мещанской одежды (основной и дополнительной), а также переходных форм (полупальто). Можно выделить несколько типов свиты: верхняя свита (халатообразная, свита с башлыком), свита с клиньями, свита со сборами, свита «черкеска».

Верхняя свита халатообразного покроя выполняла, как и зипун, функцию плаща, имела большой отложной воротник или капюшон – *свита с башлыком* [18]. Она изготавливалась из сукна домашней выработки: «свитка серого сукна с большим воротником», «старая серого сукна верхняя свитка, воротник шириной в четверть, сшит из двух клиньев равной величины» [19].

Второй тип – свита с клиньями, наглядное представление о которой дает фотография С. Гольденберга середины 1870-х гг. в «Альбоме костюмов России» (раздел «Кубанская область») [20]. На фото изображен крестьянин в простой серой суконной свите, подпоясанной кушаком; ворот снабжен узкой стойкой; рукав неширокий, немного зауженный книзу, без отворотов.

Третий более поздний тип – свита со сборками (*сборами*) – не имел широкого распространения, его бытование отмечено в иногородней среде: «свитка из черного российского домашнего сукна, сзади со сборами, воротник обшит черной материей, на трех медных крючках, с правой стороны холщевый карман» [21]. Иногда маркирующую функцию выполняет суперэтническое определение – *российская* («одет в суконную российскую свитку коричневого цвета» [22]), аккумулирующее «точку зрения» доминантной (казачьей) культуры, в которой функционируют свои культурные формы и модели.

Региональный аспект проявляется в двух уровнях – этническом и сословном. Характер декоративного оформления одежды в купе с материалом выступает в качестве этнического маркера: «одет в коричневую свиту полтавского сукна с рукавами, обшитыми черной кожей» [23]. Сословная специфика одежды эксплицитно выражена в оппозиции *казачья – крестьянская*, а в качестве маркера выступает покроем одежды [24]. Левый член оппозиции отличается полифонией определений: «прикрыт старою, серого цвета, свитою, *крестьянского покроя* (курсив – авт.)», «свитка темно-серого цвета *крестьянской работы*», «одет в светло-коричневую *крестьянскую* суконную свитку», «в коричневого цвета *мужичью* свитку с серыми пестрыми заплатами», «в *деревенскую* серого цвета свиту» [25].

Имплицитно выраженный правый член оппозиции связан с определенным «кругом пользователей» казачьей модели культуры. В источниках встречаются определения *свита / свитка*

черкеска, или *черкесская*, относящиеся к традиционной одежде черноморского (запорожского) казачества, фиксируемой под теми же названиями в архивных документах конца XVIII в. [26]. Так, свиты черкесские фигурируют в описях товаров, привозимых из-за Кубани в 1810–1820-х гг. [27]. Определение «черкесская» указывает на этнический маркер. В начале XIX в. у адыгов бытовали: «черкеска» обычная, «черкеска» с кожаными газырницами и верхняя одежда с разрезными рукавами, также называемая черкеской. У народов Северного Кавказа известна и одежда типа свиты, более свободного покроя («с запасом»), со стоячим воротником, без выреза на груди и без газырей [28]. Можно предположить, что это и есть «свита черкесская». В ведомости (1825) «веществам», добытым в черкесских закубанских аулах, указываются и свитка черкеска, и черкеска, и черкесская свитка [29]. В приказе по Черноморскому казачьему войску от 4 марта 1831 г. «строго запрещалось в виду начальства или при отправлении службы носить черкесские свитки и тому подобное неприличное одяние, которое равно и шапки могут только, кому угодно, – носить в частной жизни и по хуторам, или на кордонах, в разъездах, и симу подобных службах» [30].

В 1810–1820-х гг. в гардеробе казачьих офицеров, наряду с простой свиткой, свитой / черкеской с «вильютами», встречается *свита черкеска / черкеска(я) / сшита на манер черкеской*. Она изготавливалась из тонкого цветного (кофейное, зеленое, красное) сукна, полы подбивались дорогой шелковой тканью, для оформления применялся золотой шнур, узкий серебряный позумент («обложена вокруг») [31].

По исследованиям Е.Н. Студенецкой, на Дону бытовала свита, «тождественная черкеске и носящая название «черкеска» [32], другими словами, эти термины являются контекстуальными синонимами. Со ссылкой на Б.С. Познанского, свитка *черкеска*, известная в Воронежской губернии, имела высокий стоячий, открытый спереди воротник, шилась вплотную по фигуре, полы не заходили одна на другую, а сводились «к одному борту как раз по середине груди и в верхней части живота» и застегивались крючками [33].

Свита «черкеска» / черкесская, по сравнению с другими историческими формами костюма черноморских казаков, не исчезает из экспозиции традиционных форм одежды кубанского казачества. В 1854 г. у казака станицы Старонижестеблиевской украли две дорогие «черкесские свитки серо-немецкого сукна с цевками» [34]. В 1880 г. у казака станицы Смоленской с пастьбы была похищена «свита простого крестьянского сукна, черная, сшитая черкескою» [35]. В суконные свитки «черкесского покроя» одеты разыскиваемые казаки Абинского казачьего полка [36]. Не ясно, транспонируется ли «зрелая» форма казачьей черкески, либо происходит репликация ее ранней формы. Ситуация осложняется «семантическими мутациями», амбивалентностью термина «черкеска», служившего и для обозначения исторических типов одежды черкесов и черноморских казаков, но в каждом конкретном случае современнику было ясно о какой одежде идет речь. Аналогичную ситуацию комментирует Е.Д. Фелицын: «Во всех исторических актах XVI и XVII столетий, но преимущественно в грамотах, посылавшихся от русских царей на Дон, и в отписках послов наших к Царям запорожцы именовались всегда *черкасами* или просто *черкасами*. Иногда, впрочем, термин черкасы употреблялся и для обозначения закубанских черкес, но в последнем случае это ясно выражалось в документах и не допускало ни малейшего сомнения относительно того, кого именно, в каждом данном случае, следует подразумевать под словом черкасы – запорожцев или же закубанских черкес» [37].

Определение «черкесская» и семантический предикат с одним или несколькими актантами («сшита черкескою / на манер черкеской») сохраняются в лингво-семантической структуре текстов на протяжении всего XIX столетия. В одном из поздних источников мы сталкиваемся с другой ситуацией, когда сквозь призму бинарных оппозиций «казачья – крестьянская» рассматривается и свита: «серая свитка из самодельного сукна, *сшитая по казачьему покрою*, воротник и борты свитки обшиты из серой материи, свитка на крючках, карман из коричневой с белыми полосками бумазеи» [38]. Вне всякого сомнения, описывается свита «черкеска», сохраняющая некоторые атрибутивные признаки, дисперсно рассеянные в текстах разного времени и происхождения. При этом дифференцирующим признаком выступает не сорт сукна (крестьянское, домашнее, солдатское, черкесское, фабричное, шинельное), а покрой одежды. Переменными величинами являются также карманы, обшивка, фигурирующие в описаниях одежды, принадлежащей обеим культурным моделям: «свитка из домашнего коричневого цвета сукна с двумя белыми холщевыми карманами», «темно-бурого цвета свита из грубого домотканого сукна, с плисовой черной обшивкой у ворота» [39].

Итак, каждый термин, применяемый кубанскими казаками для обозначения того или иного вида одежды, является знаком, фиксирующим определенные характеристики обозначаемого предмета. Идя от знака к характеристике, исследуя семантику отдельных терминов, мы стремились получить культурно значимые признаки исследуемых объектов на основе эмного подхода и пролить свет на некоторые спорные положения, хотя должны признать, что эта проблема далека от окончательного разрешения.

Ссылки:

1. Бахтин М.М. Проблемы текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 299.
2. Гуревич А.Я. М. Блок и «Апология истории» // Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1973. С. 197.
3. Гангур Н.А., Шарапова М.В. Мужская одежда различных сословных групп сельского и городского населения Кубанской области второй половины XIX – начала XX вв. : диахронный анализ // Культурная жизнь Юга России. 2011. № 4. С. 133–134.
4. КОВ (Кубанские областные ведомости). 1911. № 6. С. 3.
5. КОВ. 1874. № 24. С. 2.
6. КОВ. 1882. № 50. С. 2 ; 1896. № 123. С. 2 ; 1908. № 276. С. 3.
7. Русский традиционный костюм : ил. энц. / авт.-сост. Н. Соснина, И. Шангина. СПб., 1999. С. 334.
8. КОВ. 1875. № 37. Прибав. С. 3 ; 1896. № 123. С. 2 ; 1911. № 6. С. 3.
9. КОВ. 1901. № 233. С. 4.
10. КОВ. 1909. № 179. С. 4 ; № 244. С. 4 ; 1911. № 206. С. 3.
11. Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда. Середина XIX – начало XX вв. : карты. М., 1967. Л. 66.
12. Лебедева А.А. Дон и Северный // Крестьянская одежда населения Европейской России (XIX – начало XX вв.). М., 1971. С. 254–255.
13. КОВ. 1896. № 123. С. 2.
14. КОВ. 1894. № 98. С. 3 ; 1908. № 188. С. 3.
15. КОВ. 1908. № 156. С. 3.
16. КОВ. 1888. № 20. С. 2.
17. КОВ. 1906. № 237. С. 3.
18. КОВ. 1902. № 127. С. 4 ; 1901. № 64. С. 3 ; 1916. № 10. С. 4.
19. КОВ. 1904. № 60. С. 3 ; 1906. № 35. С. 3.
20. Устинов Б.Н. История кубанской фотографии. Краснодар, 2013. С. 18.
21. КОВ. 1894. №13. С. 4.
22. КОВ. 1908. № 259. С. 4.
23. КОВ. 1906. № 213. С. 3.
24. Гангур Н.А., Шарапова М.В. Указ. соч. С. 132.
25. КОВ. 1887. № 26. Прибав. С. 1 ; 1902. № 82. С. 3 ; 1908. № 240. С. 3 ; 1909. № 12. С. 4 ; № 219. С. 4 ; № 238. С. 3 ; 1912. № 32. С. 3.
26. Гангур Н.А., Шарапова М.В. Традиционный костюм черноморского казачества (конец XVIII в. – 1860 г.). Краснодар, 2011. С. 101.
27. ГАКК (Гос. арх. Краснодар. края). Ф. 249. Оп. 1. Д. 749. Л. 51, 52, 69 ; Д. 829. Т. 7. Ч. 1. Л. 65.
28. Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа. XVIII–XIX вв. М., 1989. С. 17–30.
29. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 909. Л. 145, 174, 207.
30. Там же. Ф. 283. Оп. 1. Д. 172. Л. 176.
31. Там же. Ф. 250. Оп. 3. Д. 7. Л. 193 ; Д. 10. Л. 18 ; Д. 36. Л. 19.
32. Студенецкая Е.Н. К вопросу о национальной кабардинской одежде // Ученые зап. Кавказ. науч.-исслед. ин-та. Нальчик, 1948. Т. 4. С. 228.
33. Познанский Б. Одежда малороссов // Тр. XII-го археол. съезда в Харькове. 1902. М., 1905. Т. III. С. 205–206.
34. ГАКК. Ф. 335. Оп. 2. Д. 1. Л. 3.
35. КОВ. 1880. № 32. Прибав. С. 2.
36. Кубанские войсковые ведомости. 1867. № 31. С. 123.
37. Фелицын Е.Д. К вопросу о происхождении хоперских казаков и сформировании из них полка // КОВ. 1895. № 39. С. 2.
38. Кубанские ведомости. 1917. № 28. С. 3.
39. КОВ. 1909. № 161. С. 3 ; 1911. № 175. С. 3.

References:

1. Bakhtin, MM 1986, 'Problems of text in linguistics, philology and other humanities. Experience philosophical analysis', *MM Bakhtin Aesthetics of verbal creativity*, Moscow, p. 299.
2. Gurevich, AY 1973, 'M. Block and "Apology stories"', *Block M. Apology stories, or Craft historian*, Moscow, p. 197.
3. Gangur, NA & Sharapova, MV 2011, 'Men's clothing of various caste groups in rural and urban population of the Kuban region of the second half of XIX - early XX centuries. : Diachronic analysis', *Cultural life of the South of Russia*, no. 4, pp. 133-134.
4. *RGB (Kuban regional statements)*. 1911, no. 6, p. 3.
5. *OECs*. 1874, no. 24, p. 2.
6. *OECs*. 1882, no. 50, p. 2; 1896, no. 123, p. 2; 1908, no. 276, p. 3.
7. Sosnina, N & Shanghina, I (comp.) 1999, *Russian traditional costume*, St. Petersburg, p. 334.
8. *OECs*. 1875, no. 37, *Pribav*, p. 3; 1896, no. 123, p. 2; 1911, no. 6, p. 3.
9. *OECs*. 1901, no. 233, p. 4.
10. *WRC*. 1909, no. 179, pp. 4; no. 244, p. 4; 1911, no. 206, p. 3.
11. *Russian. Historical and Ethnographic Atlas. Agriculture. Peasant dwelling. Peasant clothes. Middle XIX - early XX centuries: Cards 1967*, Moscow, L. 66.
12. Lebedeva, AA 1971, 'Don and North', *Peasant clothing population of European Russia (XIX - early XX centuries.)*, Moscow, pp. 254-255.
13. *WRC*. 1896, no. 123, p. 2.
14. *WRC*. 1894, no. 98, p. 3; 1908, no. 188, p. 3.
15. *WRC*. 1908, no. 156, p. 3.
16. *WRC*. 1888, no. 20, p. 2.
17. *WRC*. 1906, no. 237, p. 3.

18. WRC. 1902, no. 127, p. 4; 1901, no. 64, p. 3; 1916, no. 10, p. 4.
19. WRC. 1904, no. 60, p. 3; 1906, no. 35, p. 3.
20. Ustinov, BN 2013, *History of Kuban photos*, Krasnodar, p. 18.
21. WRC. 1894, no. 13, p. 4.
22. WRC. 1908, no. 259, p. 4.
23. WRC. 1906, no. 213, p. 3.
24. Gangur, NA & Sharapova, MV 2011, 'Men's clothing of various caste groups in rural and urban population of the Kuban region of the second half of XIX - early XX centuries. : Diachronic analysis', *Cultural life of the South of Russia*, no. 4, p. 132.
25. WRC. 1887, no. 26, Pribav, p. 1; 1902. no. 82, p. 3; 1908, no. 240, p. 3; 1909, no. 12, p. 4; no. 219, p. 4; no. 238, p. 3; 1912. no. 32, p. 3.
26. Gangur, NA & Shapovalova, MV 2011, *Traditional costume of the Black Sea Cossacks (the end of XVIII century. - 1860)*, Krasnodar, p. 101.
27. GAKK (State architect. Krasnodar. Edge). f. 249, op. 1, d. 749, l. 51, 52, 69; d. 829, t. 7, 1 ch, l. 65.
28. Studenetskaya, EN 1989, *Clothing of the North Caucasus. XVIII-XIX centuries*, Moscow, pp. 17-30.
29. GAKK. f. 249, op. 1, d. 909, l. 145, 174, 207.
30. GAKK. f. 283, op. 1, d. 172, l. 176.
31. GAKK. f. 250, op. 3, d. 7, l. 193; d. 10, l. 18; d. 36, l. 19.
32. Studenetskaya, EN 1948, 'On the national Kabardinian clothes', *Scientists zap. Kabardin. Scientific-issled. Inst.*, Nalchik, vol. 4, p. 228.
33. Poznanskii, B 1902, 'Clothing Ruthenians', *Proc. XII th archaeological. Congress in Kharkov*, Moscow, 1905, vol. III, pp. 205-206.
34. GAKK. f. 335, op. 2, d. 1, l. 3.
35. WRC, 1880, no. 32, Pribav, p. 2.
36. *Kuban army statements 1867*, no. 31, p. 123.
37. Felitsyn, ED 1895, 'On the origins of the Cossacks and the constitution of Khoperskoe one shelf', *RGB*, no. 39, p. 2.
38. *Kuban statements 1917*, no. 28, p. 3.
39. WRC 1909, no. 161, p. 3; 1911, no. 175, p. 3.